

Д. Трамп и Китай: промежуточные итоги

© 2019

С.М. Труш

Китай, вопросы взаимоотношений США с КНР стали «сквозной» — внутренней и внешнеполитической — темой в администрации Д. Трампа. Впервые в 2017 г. Вашингтон в Стратегии национальной безопасности США определил Китай в качестве «главного соперника» Америки. В рамках «торговой войны», по мнению китайской стороны, у КНР есть право на те меры охраны внутреннего рынка и национальной экономики, которые не противоречат нормам ВТО. Китай пока не готов так, как США, капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делали американцы. Нарастают элементы «трехсторонности» во взаимодействии РФ — КНР — США.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, торговая война, администрация Д. Трампа, глобализация.

DOI: 10.31857/S013128120004640-5

Вопросы взаимоотношений США с КНР стали особой темой во внешнеполитической линии администрации Д. Трампа. Это во многом определялось тем обстоятельством, что с Китаем были тесно связаны ключевые элементы внутренней повестки президента, ведущие темы его предвыборной кампании 2016 года, позволившие ему въехать в Белый дом. Глобализация, ее плюсы и минусы для Америки, рабочие места и национальная промышленность, условия конкуренции американского бизнеса на внутреннем и внешних рынках, обеспечение свободной торговли, восстановление депрессивных промышленных районов, утечка технологических и стратегических секретов, ключевые вопросы военной стратегии, роль и место США в мире и геоэкономике — все эти сюжеты прямо «выходили» на Китай.

Активная критика Китая по разным направлениям политики и экономики сыграла значимую роль в победе Д. Трампа на выборах. Широкой массе американских избирателей, предпочитающих черно-белую картинку реальности, Китай был подан — и принят — как источник многих зол. Со своей стороны противники Д. Трампа в демократическом лагере не хотели отдавать ему на откуп «китайскую тему», столь привлекательную в электоральном смысле. В результате вокруг Китая и необходимости «нажима на него» сложился определенный консенсус демократов с республиканцами. Этот консенсус был очень заметен, в частности, в ходе выступления Д. Трампа с очередным посланием Конгрессу в феврале 2019 г. Демократы, весьма холодно воспринявшие большинство пунктов этого послания, стоя поддерживали аплодисментами пассажи речи Д. Трампа, касавшиеся его политики в адрес КНР¹.

Труш Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: zebra758@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-7275-001X.

Китай и США продолжают рассматривать отношения друг с другом как отношения первостепенной важности в их внешней и оборонной стратегии. Вместе с тем приход администрации Д. Трампа в Белый дом обозначил определенный водораздел в двусторонних отношениях. В Стратегии национальной безопасности США Вашингтон впервые в 2017 г. определил Китай в качестве «главного соперника» Америки (strategic competitor)². При этом Китай больше не рассматривается в США в качестве государства, которое необходимо эволюционно трансформировать изнутри, возвращая его в лоно мирового (читай «либерального», «прозападного») сообщества. Отношения США и КНР с приходом Д. Трампа приобрели характер системного полноформатного соперничества с усиливающимися элементами холодной войны. Инициатором конфликтного обострения очевидно является американская сторона.

Со своей стороны, Китай трактует отношения с США как находящиеся в кризисе, требующие существенной переоценки, а также фиксирует их переход к фазе, в которой противоречия и тотальной противоборство превалирует над факторами сотрудничества и взаимной выгоды.

В центре конфликтных взаимоотношений в 2017–2018 гг. находилась экономика. США ввели на товары КНР штрафные тарифы на номенклатуру свыше 250 млрд долл., угрожая расширить их более чем вдвое. Китай ответил тарифами на 110 млрд, что равно практически всему объему американского экспорта в 2017 г.³ Хотя США и настаивают на значительном расширении американского экспорта в Китай, главным объектом давления Вашингтона является так называемая промышленная политика КНР. США требуют кардинального изменения условий ведения бизнеса американских компаний внутри КНР: открытия запретных сфер — финансовой, информационной, телекоммуникационной, медийной, страховой; предоставления им равных прав с китайскими компаниями. США требуют также равного доступа иностранных компаний к госзакупкам в КНР, отмены государственного субсидирования наукоемкого и высокотехнологичного бизнеса в Китае в рамках его государственной программы «Сделано в Китае — 2025», усиления охраны интеллектуальной собственности, прекращения коммерческого и военного кибершпионажа.

Американская стратегия переговоров по этим вопросам носит наступательный, нажимной характер: создается общее давление по всему «ассортименту» разногласий, в рамках которого американцы стремятся «выдавить» из КНР нужный для себя компромисс в конкретной сфере. По имеющимся данным, в ходе начального раунда переговоров в мае 2018 г. США выдвинули перед Китаем свыше 140 конкретных требований и предложений в рамках промышленной политики КНР, и около 2/3 этих предложений китайская сторона первоначально согласилась обсуждать.

Внутри США существуют различные мнения по поводу протекционистского нажима на Китай. По мнению сторонников Д. Трампа, адресность и полезность протекционистских мер заключается, в первую очередь, в том, что они справедливо наказывают Китай за очевидные и отфиксированные экономические грехи в виде воровства технологий, «нечестной» конкуренции, технологического шантажа и кибершпионажа. Эти меры направлены на восстановление «цивилизованных», «справедливых», «законных» условий и правил экономического взаимодействия США и КНР⁴.

Еще одним аргументом в пользу вводимых санкций, по мнению сторонников Д. Трампа, является то, что в настоящий момент китайская экономика по реальным экспортно-импортным режимам остается более закрытой и более протекционистской, чем американская. Средневзвешенная тарифная ставка в КНР составляет около 10%, но по условиям «фашированного» режима вступления Китая в ВТО многие пошлины на импорт в КНР сохраняются выше американских. Например, ставка пошлины на импорт американских автомобилей составляет 25%, в то время как в США аналогичная пошлина на конец 2016 г. составляла всего 2,5%⁵.

Критики Д. Трампа внутри США подчеркивают, что США получают солидные не прямые дивиденды от торговли с Китаем за счет «вложенного» в китайский экспорт американского технологического наукоемкого компонента. Так, в числе товаров, попадающих под повышение тарифов, наиболее важной товарной группой являются компьютеры, комплектующие, аксессуары и компьютерная периферия. Около 90% этих товаров реально производятся ТНК с американским участием, и вводимые тарифы больше ударят именно по ним, чем непосредственно по Китаю. Америка, считают критики Д. Трампа, не может президентской директивой отменить объективный процесс глобализации, переключить сложившиеся разделительные линии в мировой экономике и жить на изолированном от мира острове.

Еще один важный аргумент, который высказывают критики протекционистской политики Трампа, заключается в том, что протекционизм в современной экономике не является панацеей от сокращения рабочих мест. На рынок труда и усиление конкуренции на нем сегодня гораздо больше влияют инновации, роботизация производственных процессов, прогресс в цифровой экономике. Преимущества США в условиях мирового разделения труда должны основываться, в первую очередь, на этих факторах, а не на попытках консервировать не самые современные производства⁶.

Китайский ответ на торговые санкции США проявился в зеркальном повышении тарифов с его стороны. Объясняя причины объявления торговой войны со стороны США, китайцы называют три основных фактора. **Во-первых**, это проявление обострившейся экономической конкуренции двух стран, снижение конкурентоспособности американской экономики, превышение в США потребления над накоплением. Посредством торгового давления США стремятся взломать китайскую экономику изнутри, ревизовать принципы ее промышленной политики, обеспечить себе благоприятные условия конкуренции как внутри Китая, так и на мировых рынках.

Во-вторых, это отражение тотального системного давления на Китай как соперника за мировое лидерство. Это давление с приходом Д. Трампа усилилось и в политической, и в военной сфере. США всемерно противодействуют доступу КНР к продвинутым технологиям. Ради этого они ужесточают меры в области экспорта технологий в КНР и ограничивают попытки Китая заполучить их через инвестирование в США и слияние с американскими компаниями.

В-третьих, протекционизм Д. Трампа — это проявление конкуренции двух моделей развития. США, квалифицирующие китайскую модель как «государственный капитализм», обвиняют Китай в дискриминационной «промышленной политике». Вместе с тем, по мнению китайской стороны, у Китая есть право на те меры охраны внутреннего рынка и национальной экономики, которые не противоречат нормам ВТО. Как считают китайские эксперты, США занимались этим с момента своего создания вплоть до сего дня, у Америки также есть своя «промышленная политика», на ревизию которой Китай не претендует⁷.

Тарифная война серьезно поколебала представление о существенной взаимозависимости США и Китая в сфере экономики. Даже при различных сценариях торговой войны, при сохраняющихся возможностях разных компромиссов товарооборот США и КНР в ближайшие годы, вероятнее всего, существенно сократится — по различным оценкам, от 20 до 50%⁸. Однако главными угрозами для себя в торговой войне с США Пекин видит не падение доходов от экспорта и, тем более, не сокращение инвестиций, а замедление технологического роста КНР за счет «зажима» с американской стороны. По превалирующему мнению китайской экспертной среды, внешние вызовы со стороны США должны быть трансформированы во внутренние стимулы роста. Поэтому главной реакцией КНР на торговую войну стали конкретные адресные меры административного, финансового и экономического характера, направленные на дальнейшее стимулирование национальной науки, НИОКР и инноваций. Увеличено финансирование национальных

НИОКР и научно-технологической сферы, создан ряд дополнительных фондов по развитию технологий и инноваций, повышен статус руководящих органов в этой сфере. Одной из ключевых мер купирования вызовов торговой войны со стороны США в Китае считают формирование широкой «проглобализационной» коалиции государств мира во главе с КНР, и важным инструментом этого является продвижение инициативы «Один пояс, один путь». В КНР ставят задачу наполнения инициативы реальными проектами и преодоления негативного шлейфа вокруг проекта «пояса и пути», который связан, главным образом, с обвинениями в том, что он является средством кредитного закабаления стран — партнеров КНР⁹.

Одним из глубинных мотивов политики Д. Трампа в отношении Китая является «деглобализация». Президент стремится максимально оградить экономику США, ряд ее традиционных отраслей от негативного влияния международного разделения труда. Китай как главный бенефициар глобализации находится в центре этого конфликта. Решение США о выходе из проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) однозначно благоприятствовало интересам Китая. При этом выступать в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай еще не готов. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень фундаментальной и прикладной науки в прорывных направлениях, способность к коммуникационной адаптации, к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы у Китая пока ниже американского.

Китай пока не готов так, как США, капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делали американцы. Он не способен пока к формированию «преференциальных» торговых соглашений по типу ТТП — обязательств по выстраиванию, а главное, поддержанию правил игры в мировой экономике, в том числе в области охраны интеллектуальных прав, прозрачности финансирования, равных условий для частного и государственного секторов (в том числе, равного доступа частного сектора к госзакупкам), гарантий и стандартов трудового законодательства.

Институциональный механизм двусторонних отношений — сеть межправительственных комиссий на министерском уровне — формально остается жизнеспособным, включая площадки «стратегического и экономического диалога». Последние были даже дополнены в 2017 г. еще двумя «высокопоставленными диалогами» — по кибербезопасности и по гуманитарным вопросам. Вместе с тем насколько можно судить по скудной информации реальная деятельность этого институционального механизма сведена на нет общей конфликтной атмосферой.

По мере разрастания симптомов холодной войны в повестке дня отношений КНР и США вновь начинают усиливаться противоречия ценностного, идеологического и цивилизационного характера, менее рельефные при прежних администрациях. Вновь играют особую роль темы «прав человека», «тоталитаризма и угнетения», религиозных свобод и отсутствия «правового государства» в КНР. В знаковой речи вице-президента М. Пенса в октябре 2018 г. в Гудзоновском институте Китай был обвинен во всех смертных грехах, включая нарастающий режим личной власти Си Цзиньпина, гипертоталитарную «орвелианскую» систему «социального кредита», создание партийных ячеек на смешанных китайско-американских предприятиях, финансирование антиамериканских сил и стран в мире и неприкрытое вмешательство Китая в выборы в США, включая промежуточные выборы 2018 года и будущие президентские 2020 года. «То, в чем обвиняется Россия, — констатировал М. Пенс, — это бледное подобие того, что Китай делает в масштабах всей Америки». Данное выступление М. Пенса справедливо расценивается в мировой аналитике как объявление откровенного и тотального политико-идеологического противостояния с КНР¹⁰.

Важным новым моментом ядерной политики США стало заявление действующей администрации о ее приверженности отвечать ядерным оружием на угрозы ядерного и «обычного» характера в адрес США и их союзников. В связи с этим в новых доктринальных документах США обозначалась потребность разработки и развертывания новых боеголовок ограниченной мощности (low yield warheads), которые наиболее оптимально соответствовали бы задачам ответа на «обычные» угрозы. По мнению китайских военных аналитиков, возобновляя разработку и развертывание боеголовок малой мощности, США преследуют ряд стратегических целей. С одной стороны, они стремятся оказать давление на Россию, с тем чтобы заставить последнюю пойти на дальнейшие сокращения наступательных ядерных вооружений. Кроме того, подобным образом США стремятся упредить свои будущие риски, поскольку к 2030 г., по мнению китайских экспертов, Америка может столкнуться с риском временного уменьшения ударных ядерных подлодок (SSBN) и резкого сокращения арсенала стратегических носителей морского базирования. Новый увеличенный военный бюджет США на 2019 год предусматривает НИОКР по разработке нового класса боеголовок морского базирования. Этот класс ядерного потенциала США рассматривается в КНР как наибольшая угроза для ее безопасности¹¹.

Новый этап китайско-американских отношений имеет очевидные следствия и для внешнеполитической линии России. Нарастают элементы «трехсторонности», «треугольника» во взаимодействии РФ — КНР — США. Трехсторонняя взаимозависимость наиболее рельефно проявляется в вопросах безопасности, военно-политического сближения РФ и КНР в условиях нарастающей в обеих столицах напряженности в отношении США, в вопросах трансформации мирового порядка и ухода от однополярности, региональных горячих точек (Сирия, Корейский полуостров), в протоинтеграционных «объединительных» проектах, выдвинутых тремя сторонами за последние годы («Один пояс, один путь», Транстихоокеанское партнерство, ЕАЭС). Россия в силу недостаточного экономического потенциала и ее роли в мировой торговле имеет минимальное влияние на противоречия КНР и США в торгово-экономической области, она не может заменить США ни как равноценный им рынок сбыта китайской продукции, ни как источник современных технологий. Вместе с тем в условиях нарастания системного, всеобъемлющего противоборства КНР с США в политической, экономической и военной областях возрастает роль России как военно-политического «тыла», гаранта безопасности и возможного союзника КНР в условиях холодной или горячей конфликтности. Фактор возрастания роли и значения РФ в глазах КНР как военно-политического союзника должен быть адекватно осмыслен и максимально использован российским руководством с учетом долгосрочных интересов Российской Федерации.

Кроме того, Россия имеет возможность частично компенсировать со своей стороны внешнеэкономические затруднения Китая, проистекающие из обострения отношений с США. Она может отчасти восполнить потребности КНР в определенных видах сельскохозяйственной продукции, усилить аграрный сегмент российского экспорта в Китай; за счет возможного провала совместных с США энергетических проектов (поставок американского сланцевого газа в КНР) открывается дополнительная ниша для российской энергетики. Данные тенденции, однако, одновременно могут усиливать негативные тенденции в структуре торговли РФ с КНР — превалирование сырьевого компонента и продукции низкой переработки в российском экспорте.

Наиболее очевидный шаг в «треугольной» тональности, сделанный США за последнее время, — предложение Д. Трампа по поводу вовлечения Китая в переговорный процесс по новому Договору о ракетах средней и малой дальности (РСМД), что по сути означает «трехсторонний» формат переговоров по контролю над вооружениями. Это предложение является дипломатически многослойным поскольку одновременно носит пропагандистский характер, очевидно отражает объективные военно-стратегические интересы США, в первую очередь в АТР, а также апеллирует к определенным реальным

интересам и озабоченностям России относительно ракетного потенциала Китая¹². Политический контекст и атмосфера отношений США и РФ делают предложение Д. Трампа по вовлечению Китая в переговоры по РСМД в настоящий момент неприемлемым. Однако это не должно означать, что Россия никогда не будет ставить вопрос о переговорах и соглашениях с КНР по контролю ракетно-ядерных сил в двустороннем формате. России не стоит исключать такие переговоры и в трехстороннем формате, разумеется, в том случае, если Китай и США — при обоюдном согласии — пригласят ее участвовать в них.

1. President Donald J. Trump's State of the Union Address. Issued on: February 5, 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/>
2. National Security Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>.
3. U.S. — China Trade Issues. In Focus. Congressional Research Service. Updated February 20, 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10030.pdf>.
4. *Dollar D.* As the trade war worsens, the trade deficit increases. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/as-the-trade-war-worsens-the-trade-deficit-increases/>; *Lardy N.* China's Weapons in a Trade War Are Formidable. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/chinas-weapons-trade-war-are-formidable>; *Austin J.* Why the Rust Belt economy will suffer in a trade war. March 6, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2018/03/06/why-the-rust-belt-economy-will-suffer-in-a-trade-war/>
5. China — US Trade Issues Congressional Research Service. RL33536. July 30, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>.
6. *Pettis M.* Trade War Won't Dent China's GDP: To see the conflict's true toll, look at rising debt instead. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-19/trade-war-with-u-s-won-t-dent-china-s-gdp>; *Austin J.* Why the Rust Belt economy will suffer in a trade war, March 6, 2018.; URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2018/03/06/why-the-rust-belt-economy-will-suffer-in-a-trade-war/>; *Сунян В.Б.* Экономическая политика Д. Трампа: новые подходы или повторение пройденного // США: экономика, политика, культура. 2018. № 5. С. 11.
7. Research Report on China — US Economic and Trade Relations. Ministry of commerce People's Republic of China. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/www/201705/20170525093626470.pdf>; *Лун Го-цян.* Лисин жэньши данцяньды чжунмэй маои моца: [Как правильно понимать современные трения между КНР и США в торговле] // Жэньминь жибао. 29.08.2018. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0829/c1003-30257035.html>.
8. Axios China. URL: https://www.axios.com/newsletters/axios-china-acde3047-4663-455e-8be8-4cbb7c6f26d7.html?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter_axioschina&stream=top; How Will the US-China Trade War End? We Explore 3 Scenarios. URL: <https://www.china-briefing.com/news/how-will-us-china-trade-war-end-3-scenarios/>; China's imports from US shrank by record 41% in January. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade-war/China-s-imports-from-US-shrank-by-record-41-in-January>.
9. *Коростиков М.* Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77125>.
10. Vice President Mike Pence's Remarks on the Administration's Policy Towards China. URL: <https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018>.
11. Паньгу чжику гоцзи синши юебао: [Ежемесячный обзор международных событий / Аналитический центр Паньгу]. 2018. № 2. URL: http://www.pangoal.cn/news_x.php?id=3636&pid=13.
12. Подробнее см.: *Труш С.* Россия — США — КНР: назад к треугольнику? // Международная жизнь. 2018. № 12. С. 38–49.